

СКЕТЧ-ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИОРАЦИОНАЛЬНОСТИ ЭПОХИ ДЕМАРКАЦИОННЫХ ВОЙН И ДИСЦИПЛИНАРНЫХ СПОРОВ XIX–XX вв.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 13-06-00010а.

Содержащаяся в статье скетч-программа исследований социорациональности нацелена на изучение аналитических возможностей и границ социологического объяснения оригинального интеллектуального творчества. Это предполагает решение целого комплекса теоретических и методологических вопросов, связанного с прояснением природы и характера отношений между «социальным» и «рациональным» и связанного с такими областями исследования, как теория и история идей, интеллектуальная история, социология научного знания и социальная эпистемология.

Ключевые слова: интеллектуалы; рациональность; демаркация наук; дисциплинарные войны; социальная практика; ритуал.

Исследовательская дилемма: «радикалы» против «ортодоксии»

Современное состояние теории и истории идей, интеллектуальной истории, социологии знания и социальной эпистемологии характеризуется кризисом оснований и острым дефицитом теоретизирования¹. Исследования, предпринимаемые в пределах данных областей, могут быть достаточно строго демаркированы решением вопроса о статусе и возможностях социологического объяснения на две различающиеся концептуальной схематикой традиции: «ортодоксальную», которая либо отрицает значимость социологического объяснения (социоэпифеноменализм²), либо рассматривает «рациональное» в качестве простого деривата «социального» (социоредукционизм³), и «радикальную» социоориентированную традицию, которая, с одной стороны, достаточно консолидированно критикует «ортодоксальные» каноны, используемые для объяснения механизмов и характера отношений между «социальным» и «рациональным», а с другой – распадается на множество зачастую конкурирующих между собой и использующих различный методологический инструментарий исследовательских программ.

Дилеммическое состояние «ортодоксальной» традиции, выражающееся в наличии полярной исследовательской оппозиции эпифеноменализм / редукционизм, и нарастающая критика со стороны «радикальных» социоориентированных концепций явным образом свидетельствуют о рекуррентном и тормозящем воздействии такого положения дел на всю без исключения область строительства социологических объяснений; а значит, теоретические и методологические выгоды от такого рода дилеммического состояния для теории и истории идей, интеллектуальной истории, социологии знания и социальной эпистемологии являются крайне скудными. Это обеспечивает высокую актуальность исследованиям, направленным на поиск и построение так называемых «сильных» (т.е. в терминологии «радикальных» социоориентированных концепций «хорошо объясняющих») социологических моделей, позволяющих преодолеть устоявшееся дилеммическое состояние и его кризисные последствия в таких областях, как теория и история идей, интеллектуальная история, социология знания и социальная эпистемология.

Экспозиция современных социоориентированных исследовательских программ в области теории и истории идей

Объемы и масштабы исследований в области теории и истории идей, интеллектуальной истории, социологии знания и социальной эпистемологии, выполненные как в «ортодоксальной», так и в «радикальной» социоориентированной традициях, на современный момент довольно внушительны.

Среди наиболее заметных работ, имеющих целью исследование и обоснование границ и возможностей социологических объяснений процессов роста знания и творчества интеллектуалов, особо следует выделить две своего рода *frame*-программы, образующие рамки полемикального поля социологии знания: «слабую» М. Шелера [1] и К. Мангейма [2–5], опирающуюся на идею о «со-обуславливании» как отношении, складывающемся между рациональными и социальными структурами, и «сильную» Д. Блура [6–7], которая, настаивая на принципах «каузальности», «беспристрастности», «симметрии» и «рефлексивности», берется рассматривать всякое без исключения научное знание как «образ» соответствующего ему общества, тем самым полагая, что социальные факторы при построении модели науки имеют преимущественное значение, поскольку и наука, и философия должны рассматриваться, прежде всего, как формы свободного дискурса, лишенные необходимости заботиться об истинности. Сложившаяся между этими *frame*-программами контрверза может рассматриваться в качестве точки роста для теоретизирования в современной социологии знания и социальной эпистемологии.

Кроме того, современная социоориентированная традиция активно использует в своих исследованиях идеи, высказанные в работах по антропологии и теории ритуала, а также основанные на них концепции социального порядка и солидарности: Э. Дюркгейма [8], М. Мосса [9–11], А. ван Геннепа [12], В. Тэрнера [13], М. Дуглас [14], И. Гофмана [15–16], Д. Маршалла [17]. Так, например, вполне уважаемые исследования Ф. Рингера [18], М. Куша [19–20], Дж. Бен-Дэвида [21] и Р. Коллинза [22], как, впрочем, и более экстравагантные по своему замыслу работы – «раннего» Б. Латтура [23–24] или Т. Шеффа [25], отлично иллюстрируют дюркгеймианский тезис о том, что *идея эффективна*

тогда и только тогда, когда она социальна⁴. Хотя вместе с тем все эти исследования имеют один общий недостаток: концентрируя внимание на социальных практиках интеллектуалов (в частности, рассматривая эти практики в качестве своеобразной ритуальной собственности идей, разделяемых группами интеллектуалов), они одновременно демонстрируют слабую чувствительность к возможным культурным детерминантам оригинального интеллектуального творчества. Недооценка культурных детерминант феномена оригинального интеллектуального творчества создает существенные препятствия для развития «сильной» и «хорошо объясняющей» социоориентированной теории и истории идей⁵. Отчасти компенсируя указанный недостаток, современная социология стала как никогда чувствительна к проблемам культуры, что, в частности, связано с появлением культурсоциологических исследований Дж. Александера и Ф. Смита [26–29].

Исследования социорациональности: территории и траектории. Наиболее лакомой территорией для изучения отношений между «социальным» и «рациональным», безусловно, является история западноевропейского академического сообщества XIX–XX вв.; именно в этот период бурные демаркационные процессы и беспощадные дисциплинарные войны, развернувшиеся между различными ассоциациями ученых, потребовали решения множества вопросов, связанных как с непосредственными изменениями в самих исследовательских практиках, так и с поисками новых форм социальной солидарности в среде исследователей. Разумеется, что такого рода ломка и связанные с ней интенсивные метаморфозы прежних традиционных для академического сообщества норм и практик деблокируют возможности для пусть и удаленного, но вместе с тем открытого доступа к анализу элементарных форм рациональности, лежащих в основаниях оригинального интеллектуального творчества. Это позволяет наметить две приоритетные траектории для исследований феномена социорациональности.

Метатеоретическая траектория, связанная непосредственно с исследованием вопроса о границах применимости и объяснительных возможностях социологических моделей для области теории и истории идей. Эта траектория предполагает создание достаточно обширной концептуальной схемы социорациональности, включающей в себя отдельные принципы и положения таких различающихся между собой социологических и антропологических программ, как теория ритуала Э. Дюркгейма, М. Мосса, А. ван Геннепа, В. Тэрнера, М. Дуглас, И. Гофмана, Д. Маршалла, культурсоциология Дж. Александера, символический интеракционизм Г. Блумера и И. Гофмана, этнометодология Г. Гарфинкеля и Р. Гилберта, теория обмена и рационального выбора Дж. Хоманса и П. Блау, рефлексивная социология П. Бурдьё, аномальная социофилософия М. Куша. Впрочем, именно такое, на первый взгляд, эклектичное, но в достаточной мере «гибридизированное» основание должно придать предполагаемому «наброску» объяснения – концептуальной схеме – необходимую прочность и устойчивость к «внешним» воздействиям и нагрузкам: как критике, так и ревизии.

Историко-прагматическая траектория, которая связана с эмпирическим материалом исследования –

западноевропейским академическим сообществом XIX–XX вв.; в частности, с примерами рефлексии над основаниями науки и демаркационными спорами, инициированными такими интеллектуальными течениями и направлениями, как неокантианство, философия жизни, эмпирическая психология, психология ментальных актов, феноменология, логический позитивизм, критический рационализм, научный реализм, социальный конструктивизм. При этом данная траектория строится как осознанная оппозиция широко распространенному и отстаиваемому «ортодоксальной» теорией и историей идей убеждению о том, что наблюдаемым изменениям в основаниях науки принадлежит приоритет над любыми формами их рефлексии. Например, именно это убеждение поддерживает тезис о том, что известный спор о демаркации между естественными науками (*Naturwissenschaften*) и социально-гуманитарными науками (*Geisteswissenschaften / Kulturwissenschaften*) есть лишь отражение процессов размежевания этих двух областей знания, опирающееся прежде всего на имеющиеся различия в повседневной исследовательской практике. В противоположность этому социорациональное исследование должно продемонстрировать, что именно рефлексия над основаниями науки служила как стимулом, так и отправной точкой наблюдаемых демаркационных процессов. Так, именно практикуемая рефлексия и создаваемые в ходе ее идеи о природе дисциплинарных различий оказывались тем, что способно как легитимировать повседневные дисциплинарные исследовательские практики, так и гарантировать их отличия и взаимную несводимость.

Исследования социорациональности: рецепты и ингредиенты. В отличие от исследований, активно использующих в своих моделях метафорику «социального производства знания»⁶, социорациональный анализ, привлекая объяснительные средства, заложенные в основания «сильной программы» культурсоциологии Дж. Александера и Ф. Смита (принцип «автономии культуры и символического порядка»), а также некоторые адаптированные положения теории ритуала Э. Дюркгейма и М. Мосса (утверждение ритуальной основы элементарных форм рациональности – идей), должен быть в большей степени ориентирован на изучение особенностей исполнения и культурной укорененности всех типов социальных практик, связанных с феноменом оригинального интеллектуального творчества. Это позволит приблизиться к пониманию природы социорациональности, предлагая подход, альтернативный уже существующим в социологии знания, который более экономно объяснит многие из аспектов оригинального интеллектуального творчества в академическом сообществе (в том числе демаркационные войны и дисциплинарные споры), способствуя, помимо прочего, и преодолению сложившегося дилеммического состояния в области теории и истории идей.

В этих целях следует привлечь и использовать аналитические возможности и теоретические ресурсы целого ряда исследовательских программ, аффилированных прежде всего с традицией «радикального» социоориентированного подхода. Это предпочтение объясняется признанием за «радикальной» социоориентированной традицией большего иммунитета к кризисным проявлениям дилеммического состояния; в частности,

данная традиция, в отличие от «ортодоксальной», не склонна усматривать тождество между существованием источников социальной детерминации для области «рационального», с одной стороны, и неизбежностью принятия той или иной формы редукционизма в качестве адекватной исследовательской позиции (так называемого «социологизма») – с другой.

Как следствие, значительная доля внимания уделяется исследовательским императивам йельской «сильной программы» культурсоциологии Дж. Александера и Ф. Смита, базирующейся на признании принципа «автономии культуры» и утверждении самостоятельной логики культурных содержаний, согласно которой сфера символических классификаций, составляющая фундамент любой культурной системы, обладает собственной (т.е. независимой от параллельного действия социальных детерминант) причиняющей силой [30. С. 159]. Это означает, что предпринимаемый в проекте анализ социорациональных феноменов и, в частности, параметров и механизмов оригинального интеллектуального творчества, не может опираться исключительно на позиции их «натуралистического» (т.е. редуцирующего только к социальному) рассмотрения, свойственного, например, исследованиям, активно использующим метафору «социального производства знания», поскольку сами эти параметры и механизмы (взятые в конкретном их исполнении) наряду с чисто социальными детерминантами опосредованы также и культурными кодами⁷ [29. С. 294].

Наряду с исследовательскими императивами культурсоциологии, устанавливающими структуру и порядок символической детерминации оригинального интеллектуального творчества, социорациональное исследование должно привлечь ряд положений рефлексивной социологии П. Бурдьё [31–37]. Рефлексивная социология, помимо утверждения всех типов рациональных сущностей (теорий, дефиниций или аргументов) в качестве сущностей социальных (в частности, это активно практикуется некоторыми коррелятивными П. Бурдьё проектами, например аномальной социологией М. Куша [19. С. 120]), позволяет также существенным образом дополнить символические классификации (которые лежат, согласно культурсоциологии, в основаниях культуры и детерминируют социальные практики, связанные с феноменом оригинального интеллектуального творчества) необходимым для социологического объяснения функционалом, поскольку демонстрирует механизмы культуры в качестве практических функций по включению / исключению ее конкретных содержаний, намечая тем самым линии для изучения логики практического исполнения интеллектуалами своего творчества.

Особое значение для исследований социорациональности имеет теория ритуала Э. Дюркгейма и М. Мосса. Стоит отметить, что данная теория уже неоднократно подтверждала свою работоспособность и возможности приложения для самых разных объектов социологического исследования. Однако заложенный в ней теоретический ресурс до сих пор еще не был в полной мере использован для анализа природы отношений между «социальным» и «рациональным».

Ядро теории ритуала Э. Дюркгейма и М. Мосса (а также многочисленных ее модификаций, предложенных в работах А. ван Геннепа, В. Тэрнера, М. Дуглас,

И. Гофмана, Д. Маршалла) составляет утверждение о том, что *ритуалы представляют собой механизмы, которые производят идеи, заряженные социальной значимостью, создавая тем самым необходимые эффекты солидарности для своих участников, удерживая их вместе и структурируя отношения между ними*. Адаптация данного принципа под цели и задачи социорационального исследования позволяет рассматривать ритуал в качестве *подлинно элементарной формы рациональности* (т.е. ритуал есть далее неанализируемая и неразложимая модель всякой без исключения «рациональности»). Это налагает серьезные ограничения на любые попытки представить ритуал антропологическим или социологическим атавизмом, используемым при объяснении и редукции многочисленных социальных практик, ставших уже неактуальными для современного общества, поскольку любые сообщества интеллектуалов в равной степени востребуют основанные на ритуале модели солидарности и морали⁸.

Наконец, при решении вопроса об отношениях микро- и макроструктур в рамках изучаемого сообщества интеллектуалов следует принять во внимание принцип аппликации для микро- и макроструктур, предложенный этнометодологией Г. Гарфинкеля [38] и Р. Гилберта [39], который позволяет легитимировать рассмотрение любых кажущихся нам латентными структур социорациональности как актуально представленных в повседневных практиках интеллектуалов⁹. Иными словами, этнометодологический принцип определяет, что социологическое исследование структур как социального, так и символического / культурного порядка не должно их гипостазировать от повседневных практик и конкретных условий исполнения, поскольку они всегда актуально даны и закодированы в повседневных практиках¹⁰.

Ante praecessi: чего стоит ожидать от исследований социорациональности?

Указанные выше подходы, их сочетание и гибридизация в рамках единого исследования их отдельных теоретико-методологических положений позволяют сформулировать рабочую гипотезу для социорационального исследования: *детерминирующей в отношении оригинального интеллектуального творчества силой является символическая оппозиция «сакральное / профанное» (фиксирующая культурную укорененность социальных практик, связанных с феноменом оригинального интеллектуального творчества), которая каузирует отличительные особенности письменных и повседневных исследовательских практик интеллектуалов*. При этом таксономическая способность символической оппозиции «сакральное» / «профанное», обеспечивая нас более детальными классификациями при объяснении феномена оригинального интеллектуального творчества, дополняется функционалом еще одной символической оппозиции «чистое» / «скверное», которые вместе взятые образуют квадритомию для любых символических объектов (идей), составляя элементарную культурформу социорациональности.

Таким образом, идея, рассматриваемая как основной элемент оригинального интеллектуального творчества и понимаемая как социорациональная конструк-

ция, в основе своей, независимо от ситуативных и релевантно сопутствующих обстоятельств, несет изначальную таксономию «сакральное» / «профанное», которая выполняет строго цензурную роль в отношении любых ее «поверхностей»: текстуальных, дискурсивных, логических, эстетических, этических, – путем включения или исключения всех возможных подмно-

жеств своего исполнения. При этом механизмом, поддерживающим и фундирующим эту изначальную таксономию, а также удостоверяющим и сертифицирующим ее конкретное исполнение и статус в качестве таковой, является ритуал, т.е. область социальных практик самого разного характера: от языковых до администрирующих (властных) практик.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об этом, в частности, косвенно свидетельствует недавний (2009–2010 гг.) яростный «спор о социологизме» в среде отечественных социологов: В. Вахштайн [40–42], А. Корбут [43], В. Кузьминов [44], И. Вендило, О. Журавлев, Д. Кондов, Н. Савельева [45].

² Исследовательская формула приверженца социопи феноменализма гласит, что «рациональное» столь специфично в отношении «социального», что его можно объяснить только при помощи «рационального» же. Иными словами, социопи феноменализм полагает, что, изучая историю идей и нашей «рациональности», мы вполне можем уподобить носителя «рациональности» этаким «мозгам в бочке» (пользуясь метафорой Х. Патнэма [46]), «стерилизованным» от любого рода признаков «социального». Все продуцируемые этими «мозгами в бочке» идеи были бы теми же самыми идеями, если бы даже мы и принимали во внимание, что эти «мозги в бочке» участвуют в социальных итерациях: ходят в магазин и на работу, голосуют на выборах, воспитывают своих детей, ссорятся и мирятся с окружающими и т.д.

³ Приверженец социоредукционизма, в отличие от нечувствительного к «социальному» приверженца социопи феноменализма, пользуется в своих построениях исследовательской формулой, которая гласит, что «число типов социальных сущностей (аргументов, теорий) идентично числу типов социальных институтов. Социорациональные законы как раз и представляют собой установление такого рода типовых идентичностей [type-type identities]...» [19. С. 125]. Это стремление взаимно-однозначно увязать между собой социальные сущности и социальные институты и является наиболее уязвимым местом для критики социоредукционизма.

⁴ Стоит отметить, что российский исследователь также не остался в стороне от влияния социоориентированного тренда на современную теорию и историю идей; в частности, интерес представляет ряд оригинальных работ, в которых развиваются элементы «церемониальной» концепции научных статусов и воспроизводства локальных академических сообществ (активно разрабатываемой группой петербургских социологов М. Соколовым, Ф. Погореловым, К. Губой, М. Сафоновой, Д. Димке, А. Семеновым, Т. Бочаровым, К. Титаевым [47–68]), «институционально-обрядовой» природы научных практик [69] и этнометодологического анализа науки [70].

⁵ Утверждение культурной укорененности социальных практик интеллектуалов (в особенности их повседневных исследовательских практик) позволяет по-иному взглянуть на отношения, которые складываются между областями «социального» и «рационального», в частности, позволяет избежать соблазнов социоредукционизма, резервируя в духе «позднего» Э. Дюркгейма за нашими идеями некоторую степень автономии по отношению к социальным практикам.

⁶ Например, исследования Дж. Бен-Дэвида и Р. Коллинза [21] или К. Шарля [71].

⁷ Стоит отметить, что состоявшаяся в современной социологии научного знания ревизия некоторых исследовательских принципов, оперирующая исследовательской метафорой «социального производства знания» (в частности, позиций радикального социального конструктивизма Б. Латура [72]), намечает вполне определенные аналитические линии для дрейфа современной социологии знания от тотальных моделей «социального производства знания» в сторону более толерантных и чувствительных к символическому порядку (т.е. порядку, детерминированному со стороны обладающей автономией культуры) социологических моделей. Успешная, а значит, «хорошо объясняющая» модель социорациональности, принимая во внимание принцип «автономии культуры» / «символического порядка», отстаиваемый культуросоциологией, должна признавать символические / культурные паттерны равнозначными источниками каузации для оригинального интеллектуального творчества наряду с традиционными социальными силами.

⁸ Ироничный и обстоятельный анализ такого рода зависимости интеллектуалов от ритуалов представлен в работах М. Соколова [49, 53, 63].

⁹ Так, «радикальный тезис» этнометодологии, принадлежащий Р. Гилберту, гласит: «Эмпирические явления, наблюдаемые [этнометодологом. – А.Н.] <...> однако, вероятно, вовсе не известны членам группы, и <...> структурные явления, на которые ориентируются члены группы, не считая их требующими доказательств, но которые, тем не менее, не являются эмпирическими и доступными для изучения социальными науками, оказываются <...> теми же самыми явлениями» [39. С. 801; пер. цит. по: 73. С. 315].

¹⁰ Кроме того, выбор этнометодологии в качестве теоретического ресурса и подхода для проведения исследований в рамках данного проекта также связан и с тем, что этнометодология обладает дифференцированным набором релевантного инструментария для изучения повседневных практик разного рода, в том числе и практик, связанных с интеллектуальным творчеством. Так, например, накопленный этнометодологией потенциал в концептуализации повседневных практик, например в области анализа разговоров, может стать важным средством для анализа текстов и связанных с ними письменных практик, содержащих образцы философской рефлексии над основаниями науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шелер М. Проблемы социологии знания. М. : Ин-т общегуманит. исслед., 2011. 320 с.
2. Mannheim K. The Problem of a Sociology of Knowledge // Essays on the Sociology of Knowledge. L. : Routledge & Kegan Paul, 1952. P. 134–190.
3. Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 7–276.
4. Манхейм К. О специфике культурно-социологического познания // Избранное: Диагноз нашего времени. М. : Говорящая книга, 2010. С. 265–376.
5. Манхейм К. Социологическая теория культуры в ее познаваемости: Конъюнктивное и коммуникативное мышление // Избранное: Диагноз нашего времени. М. : Говорящая книга, 2010. С. 379–536.
6. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5, 6 (35). С. 162–186.
7. Bloor D. Remember the strong program? // Science, Technology and Human Values. 1997. Vol. 22, № 3. P. 373–385.
8. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. N.Y. : Free Press, 1995. 464 p.
9. Мосс М. Очерк о природе и функции жертвоприношения // Социальные функции священного. СПб. : Евразия, 2000. С. 9–104.
10. Мосс М. Молитва // Социальные функции священного. СПб. : Евразия, 2000. С. 234–330.
11. Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность. М. : КДУ, 2011. С. 134–285.
12. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М. : Восточная литература, 1999. 198 с.
13. Тэрнер В. Символ и ритуал. М. : Наука, 1983. 277 с.
14. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М. : Канон-Пресс-Ц ; Кучково поле, 2000. 288 с.
15. Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М. : Смысл, 2009. 319 с.
16. Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М. : ИС РАН, 2003. 752 с.
17. Marshall D. Behavior, Belonging and Belief: A Theory of Ritual Practice // Sociological Theory. 2002. Vol. 20, № 3. P. 360–380.
18. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 648 с.
19. Куш М. Социология философского знания: конкретное исследование и защита // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 104–134.

20. Куш М. Победителю достается все: Философия жизни и триумф феноменологии // Логос. 2004. № 3–4 (43). С. 171–204.
21. Бен-Дэвид Дж., Коллинз Р. Социальные факторы при возникновении новой науки: случай психологии // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 79–103.
22. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.
23. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 211–242.
24. Latour B. The Pasteurization of France. Cambridge : Harvard University Press, 1988. 288 p.
25. Scheff T.J. Academic gangs // Crime, Law and Social Change. 1995. Vol. 23, № 2. P. 157–162.
26. Александр Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 11–30.
27. Александр Дж. Об интеллектуальных истоках «сильной программы» // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 5–10.
28. Александр Дж. Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 1. С. 17–37.
29. Alexander J. The Promise of a Cultural Sociology: Technological Discourse and the Sacred and Profane Information Machine // Theory of Culture. Berkeley: University of California Press, 1992. P. 293–323.
30. Куракин Д. «Сильная программа» в культурсоциологии: историко-социологические, теоретические и методологические комментарии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 155–178.
31. Бурдые П. Практический смысл. М. : Ин-т общегуманит. исслед. ; СПб. : Алетей, 2001. 562 с.
32. Бурдые П. Поле литературы // Социальное пространство: Поля и практики. М. : Ин-т общегуманит. исслед. ; СПб. : Алетей, 2007. С. 365–472.
33. Бурдые П. Поле науки // Социальное пространство: Поля и практики. М. : Ин-т общегуманит. исслед. ; СПб. : Алетей, 2007. С. 473–517.
34. Бурдые П. Дело науки. Как социальная история социальных наук может служить их прогрессу // Социальное пространство: Поля и практики. М. : Ин-т общегум. исслед. ; СПб. : Алетей, 2007. С. 518–538.
35. Бурдые П. О символической власти // Социология социального пространства. М. : Ин-т общегуманит. исслед. ; СПб. : Алетей, 2007. С. 87–96.
36. Бурдые П. Поле интеллектуальной деятельности как особый мир // Начала. Choses. М. : Socio-Logos, 1994. С. 208–221.
37. Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М. : Праксис, 2003. 272 с.
38. Гарфинкель Г. Что такое этнометодология? // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 3. С. 144–154.
39. Hilbert R. Ethnomethodology and the Micro-Macro Order // American Sociological Review. 1990. Vol. 55, № 6. P. 794–808.
40. Вахштайн В. Конец социализма: перспективы социологии науки. URL: http://www.polit.ru/article/2009/08/06/videoon_vahshtain/
41. Вахштайн В. Еще раз про когнитивный стиль и «спор о социализме». URL: <http://www.polit.ru/article/2010/10/08/socio/>
42. Вахштайн В. Ответ этнометодологу или Мартышка и очки. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/09/18/socdisc/>
43. Корбут А. Новый эпистемолог, или Игла познания. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/09/18/socdisc/>
44. Кузьминов В. Социализм и социология знания. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/07/29/sociologism/>
45. Вендило И., Журавлев О., Кондов Д., Савельева Н. Спор о «социализме». URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/69/ve19.html>
46. Патнэм Х. Мозги в бочке // Разум, истина и история. М. : Праксис, 2002. С. 14–37.
47. Погорелов Ф., Соколов М. Интеллектуальный ландшафт Санкт-Петербурга: попытка картографии // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2004. № 1. С. 59–64.
48. Погорелов Ф.А., Соколов М.М. Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения: фрагментаризация петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII, № 2. С. 75–92.
49. Соколов М. Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 8–31.
50. Соколов М. Российские социологи на международном и национальном рынке идей (Наукометрический анализ) // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 144–152.
51. Соколов М. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // Laboratorium. 2009. № 1. С. 20–57.
52. Соколов М.М. Интернациональный провал постсоветской социологии: сравнение институциональных объяснений // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 3. С. 105–110.
53. Соколов М. Гоффман, Мэри Дуглас и смысл (академической) жизни: церемониальные аспекты критических дискуссий в теоретической социологии // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 130–143.
54. Соколов М.М. Несколько замечаний о девальвации ученых степеней: экономико-социологический анализ динамики символов академического статуса // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 14–30.
55. Соколов М.М. Там и здесь: могут ли институциональные факторы объяснить состояние теоретической социологии в России // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 126–132.
56. Соколов М.М. Индивидуальные траектории и происхождение «естественных зон» в петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII, № 3. С. 111–132.
57. Соколов М.М. О процессе академической (де)цивилизации // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 21–30.
58. Соколов М.М. Рынки труда, стратификация и карьеры в советской социологии // Экономическая социология. 2011. Т. 12, № 4. С. 37–72.
59. Соколов М.М. Изучаем локальные академические сообщества // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 76–82.
60. Соколов М.М., Бочаров Т.Ю., Губа К.С., Сафонова М.А. Проект «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII, № 3. С. 66–82.
61. Соколов М.М., Сафонова М.А., Губа К.С., Димке Д.В. Интеллектуальный ландшафт и социальная структура локального академического сообщества (случай петербургской социологии): препринт WP6/2012/01 (ч. 1). М. : ИД ВШЭ, 2012. 48 с.
62. Соколов М.М., Сафонова М.А., Губа К.С., Димке Д.В. Интеллектуальный ландшафт и социальная структура локального академического сообщества (случай петербургской социологии): препринт WP6/2012/01 (ч. 2). М. : ИД ВШЭ, 2012. 48 с.
63. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. [в печати].
64. Сафонова М.А. Сетевая история петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII, № 3. С. 83–110.
65. Сафонова М.А. Сетевая структура идентичности в локальном сообществе социологов // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 107–120.
66. Губа К.С., Семенов А.В. В центре внимания или центрах внимания? Анализ системы авторитетов локального академического сообщества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII, № 3. С. 133–154.
67. Губа К. Академические журналы: воспроизводство локальных репутаций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 152–163.
68. Губа К.С. Западная теория в петербургской социологии: между Максом Вебером и Эрвином Гоффманом // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 83–96.
69. Демина Н.В. Институционализация в сообществе ученых: защита кандидатской диссертации как обряд перехода // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII, № 1. С. 97–112.
70. Корбут А.М. Этнометодологические исследования науки: истоки // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 35, № 1. С. 151–166.
71. Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX в. М. : Новое издательство, 2005. 328 с.
72. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. N.Y. : Oxford University Press, 2005. 328 p.
73. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб. : Питер, 2002. 688 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 15 мая 2013 г.